

Одним из характерных признаков 2010 года стала неспособность российской экономики выйти на докризисные темпы роста ВВП. В уходящем году были развеяны все надежды на то, что «вот сейчас расправились с кризисом и заживем как в добрые старые времена». Несмотря на глубокое падение ВВП в 2009 году, 2010 год показал довольно скромные темпы роста, и теперь прогноз роста в 4% представляется весьма оптимистичным.

В чем причина?

Во-первых, значительное ухудшение ситуации с платежным балансом, ставшее результатом основной негативной для России тенденции — ситуации с внешней торговлей и оттоком капитала.

Что касается внешней торговли, то ограничения, не позволяющие повысить экспорт, не новы и давно всем известны. Это и недоинвестированность нефтяного сектора, и физические ограничения объемов экспорта в виде пропускной способности трубопроводов, железных дорог и портов, а также хроническая неспособность продавать миру что-либо, кроме сырья. Новым же фактором этого года стал **взрывной**

рост импорта

, который на фоне увеличения потребительского спроса, в значительной степени стимулированного государственными социальными расходами, почти достиг докризисного уровня.

Дело в том, что, по некоторым расчетам, 75% всего увеличения расходов населения не помогает отечественной экономике, а сгорает в инфляции или идет на увеличение потребительского импорта. При этом вряд ли стоит рассчитывать на то, что российский производитель сможет конкурировать за такого потребителя. Известно, что богатые страны производят товары для богатых. По сравнению с Китаем, Украиной, Белоруссией, Индией и пр. Россия — достаточно богатая страна с очень высоким уровнем заработной платы. Поэтому государственные социальные расходы, повышающие доходы беднейших слоев населения, часто повышают спрос именно на самые низкокачественные, часто — контрафактные — импортные товары. Здесь сыграл свою роль и Таможенный союз, который облегчил импорт, в том числе товаров из третьих стран.

В этой связи надо, вероятно, согласиться с предостережениями ряда экономистов, в том числе правительственных, о том, что продолжение политики наращивания социальных расходов может привести к возникновению структурного дефицита текущего счета, на который почти невозможно будет повлиять через курс рубля. В третьем квартале 2010 года профицит текущего счета составил всего \$8,5 млрд, против более \$50 млрд за первое полугодие. Это говорит о том, что баланс по текущему счету довольно близок и может быть достигнут при устойчивом падении текущих цен на нефть всего на \$10-15 за баррель. С учетом уровня волатильности ценообразования на этом рынке вполне возможно представить себе такое падение. Иначе говоря, **вероятно** **стать того, что мы станем обществом, устойчиво потребляющим больше, чем производящим, весьма высока**

. К сожалению, это путь от кризиса к кризису, когда стабильность внешней торговли и валютного рынка полностью зависит от притока или оттока капитала.

В 2010 году Россия снова, впервые с начала 2000-х годов, столкнулась с **устойчивым оттоком капитала**

в некризисных условиях. При этом современный отток капитала принял формы увеличения активов российских компаний нефинансового сектора за рубежом. Более того, часто такие инвестиции за рубеж финансируются за счет привлечения иностранных же заемных ресурсов на баланс российских компаний. Оставляя в стороне негативные для кризисоустойчивости платежного баланса страны последствия такого использования российских балансов как классических «дойных коров», хотелось бы отметить и негативное влияние этого фактора на экономический рост. Дело в том, что наращиванием зарубежных активов заняты в основном именно компании нефинансового сектора, в то время как банки и население не были склонны к устойчивому оттоку, что рождает предположение о нежелании российского бизнеса инвестировать в развитие российских операций.

Вывод напрашивается довольно простой и неутешительный: с точки зрения крупного российского бизнеса риски инвестирования в Россию велики. Увеличение страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с 2011 года до 34% окончательно переводит Россию в разряд стран с социал-демократической политикой с высокой налоговой нагрузкой на бизнес и высокими социальными расходами. Надо сказать, что подобная модель была демонтирована в 1990-2000-е годы в таких странах, как Германия и Швеция, которые в результате наименее болезненно прошли кризис 2008-2009 годов и показывают самые высокие и устойчивые темпы роста в ЕС, в то время как в тех странах, где такая модель была скопирована — как, например, в Греции или Испании, — кризис разгорелся острее всего.

Во-вторых, существует набор проблем, связанный с тем, что российская экономика в 2010 году натолкнулась на ограничения дальнейшего наращивания производства за счет использования существующих ресурсов. По данным Росстата, безработица в России не превышает 7%, что соответствует докризисным уровням в период, когда ее дополнительное снижение не начало приводить к классическому «перегреву» рынка труда. Российский рынок труда сейчас больше всего похож на фрагментированный жесткий диск компьютера 1990-х годов, когда место вроде бы есть, но записать уже

ничего нельзя. Поэтому российскому рынку труда необходима «дефрагментация» в виде активного стимулирования трудовой миграции и переподготовки работников. Иначе повышение спроса на рабочую силу приведет к необоснованному росту заработной платы, что, в свою очередь, негативно скажется на темпах роста, то есть рынок труда уже сейчас является естественным ограничителем ускорения роста.

В-третьих, еще одна проблема связана с другим фактором роста — капиталом. В 2010 году конкурентоспособные отрасли российской экономики вышли на уровень использования существующих мощностей, близкий к 100%. При этом одной из позитивных тенденций последнего времени стал значительный рост инвестиций, который находится на уровне около 10% в годовом исчислении в течение последних четырех месяцев. Такие данные подтверждаются и ростом импорта инвестиционных товаров. Тем не менее интересен тот факт, что инвестиции крупного бизнеса за 9 месяцев 2010 года сократились, по данным Росстата, на 3,8%, в то время как общие инвестиции выросли. Если исключить вероятность статистической ошибки, то такие данные указывают, что **инвестиции осуществляют в первую очередь компании среднего и малого бизнеса**, то есть те, которые не имеют практической возможности переводить свой бизнес за рубеж. В этом они отличаются от крупных предприятий, занятых, как уже было указано, инвестициями в другие страны; и **на облегчение их жизни, по нашему мнению, и должна быть сориентирована государственная политика в ближайший год**.

Иначе говоря, получается, что переход в режим быстрого роста возможен только в ситуации значительного улучшения институциональной среды, снижения долговой и административной нагрузки на бизнес и т. д., а также решения вопроса нехватки рабочей силы.

Источник: [Forbes.ru](https://forbes.ru)